

Картвельский процессуально-нецелевой глагол

В картвельских языках выделяется класс статических глаголов определенной семантики. Этот семантический класс можно определить как дуративный и нецелевой. Эти глаголы выражают процесс, который сам по себе не предполагает завершения, поэтому они часто имеют дефектную парадигму, у них нет регулярно образованных форм совершенного вида - будущего и аориста. В этот класс входят как глаголы действия, так и глаголы состояния. Субъект действия таких глаголов пребывает в определенном процессе: не указывается на действие, которое он совершает, а устанавливается отношение к определенному занятию (Меликишвили, 1991).

Во временных формах картвельских статических глаголов выделяется префикс *i-*: груз. *i-* *cinis* "смеется", *i-muerebs* "будет петь", *mi-i-qbina* "добежал"; мегр. *i-xvamarq* "молится"; чан. *i-birs* "поет"; сван. *i-kli* "хромает". Почти треть этих глаголов отыменные, а некоторые - изолированы, не имеют соответствующих переходных форм. Префикс *i-* представлен также в возвратных и версионных формах переходных глаголов, выражая направленность действия на субъект или отношение предназначения - принадлежности.

В грузинской лингвистической традиции формы аориста и футурума указанных глаголов трактуются как формы субъектной версии переходных глаголов, которые заполняют дефектную парадигму этих глаголов, а префикс *i-* в этих формах определяется как маркер субъектной версии (Шанидзе, 1955, Меликишвили 1991). По мнению некоторых авторов, картвельские процессуально-нецелевые глаголы имеют возвратную семантику и маркером возвратности в этих глаголах является префикс *i-*.

Все эти гипотезы опираются на формальное сходство версионно-возвратных форм переходных глаголов и видовременных форм статических глаголов, не учитывая при этом ни типологию процессуально-нецелевых глаголов, ни установленный в современной лингвистике принцип дефиниции возвратных и версионных форм, вследствие чего языковая основа появления в картвельских статических глаголах префикса с посессивным значением остается неопределенной.

В картвельских процессуально-нецелевых глаголах префикс *i-* функционирует во всех временных формах, независимо от вида. Уже этот факт однозначно указывает на то, что префикс *i-* в этих глаголах не выражает ни темпоральную, ни видовую семантику. Когда сказуемое, выраженное статическим глаголом, имеет форму аориста или футурума, не приходится говорить об эллипсе прямого дополнения, поскольку это структурно полное предложение: *kalma i-tira* "женщина заплакала" (Климов, 1977).

Если при указанных предикатах не приходится говорить о прямом дополнении, то формы глаголов, выражающих эти предикаты, нельзя считать формами субъектной версии, так как субъектная версия выражает посессивное отношение между субъектом и прямым объектом. В картвельских языках соотношение: переходный глагол / статический глагол не обуславливает то соотношение исходной диатезы с производной диатезой, которое имеет место при преобразовании исходного глагола в возвратный. Следовательно, картвельский процессуально-нецелевой глагол не имеет возвратную семантику и в этих глаголах префикс *i-* не может быть маркером возвратности.

Мы считаем, что объяснение причин появления маркера посессивности в картвельских процессуально-нецелевых глаголах затруднится без выхода за пределы картвельских языков, без учета словотворческих принципов, действующих в разноструктурных языках при глагольном выражении процессуально-нецелевых ситуаций.

Процессуально-нецелевые глаголы выражают принадлежность определенного занятия субъекту, представляя это занятие как неотчуждаемое от субъекта. Во многих языках инактивные личные показатели статических глаголов тождественны с именными аффиксами неотчуждаемой принадлежности и так сигнализируются неотчуждаемость нецелевого действия или состояния от субъекта (Климов, 1977).

Проанализированные в докладе языковые данные показывают, что присваивание нецелевого действия или состояния субъекту, обозначенное в глаголе маркером принадлежности, один из словотворческих принципов, действующих при глагольном выражении процессуально-нецелевой ситуации. Семантическая структура статических глаголов в языках реализуется по-разному, в зависимости от разных средств выражения посессивности.

Особенно значителен тот факт, что во многих языках основы статических глаголов выполняют атрибутивные функции, слова со значением прилагательного ведут себя как статические глаголы (Гринберг, "Новое в лингвистике", V, 1970).

Если язык допускает одинаковое глагольное выражение процессуально-нецелевой ситуации и атрибутивной семантики, то с уверенностью можно утверждать, что нецелевое действие или состояние в статическом глаголе так соотносится с субъектом, как качество - с его посессором и этим объяснять причину появления маркеров посессивности в процессуально-нецелевых глаголах.

При глагольном выражении процессуально-нецелевой ситуации картвельские языки выбирают принцип включения в глагольную форму маркера посессивности, указывая этим на нераспространяемость, неотчуждаемость нецелевого состояния или действия от субъекта. В картвельских языках, как и во многих языках мира, глагольный аффикс посессивности, выражающий направленность действия (процесса, состояния) на субъект, вместе с другими функциями имеет также функцию образования глагольного слова и таким образом, в словотворчестве, как и в других сферах языка, дает о себе знать фундаментальное свойство языка - субъективность, стремление языка представлять явления окружающего мира с позиции субъекта.